

Мащенко А.П.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ПРИТЧИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Христианская проблематика находится в центре творческих поисков Ф.М.Достоевского на всем протяжении его литературного поприща. Религиозные темы писателя исключительно обширны и многообразны: бытие Бога, исход человека, мировое зло, бессмертие, первородный грех, искупление и воздаяние, апокалиптические пророчества и хилиастические ожидания...

Стремясь к их разрешению, классик не мог не обращаться к священным текстам Писания. Достоевский – один из глубочайших мистиков в русской литературе.¹ Ярче всего, пожалуй, это проявляется в его обращениях к Откровению Иоанна Богослова. Однако Достоевский не только мистик, но и учитель жизни. Напряженный моральный пафос его сочинений несомненен.

В обращении Достоевского к евангельским притчам учительские традиции, столь свойственные отечественной словесности, предстают особенно явственно. В этом случае метафизическое приятие христианства отступает на второй план. Актуализируются его нравственные, назидательные аспекты.

Систематический анализ обращений писателя к притчам Христа, от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых», предпринятый в этой работе, без сомнения позволит глубже уяснить религиозную природу творчества русского классика. Как неоднократно подчеркивали многие исследователи его произведений, вне христианского, православного аспекта понимания точная интерпретация художественного наследия Достоевского попросту невозможна.²

Библейская энциклопедия определяет притчи, как «наставления, созданные с привлечением примеров из окружающей природы или обыкновенной человеческой жизни».³ Иные из них Христос объяснял, большую же часть оставлял без объяснения, чтобы овладеть вниманием слушающих и приучить их к размышлению. Обыкновенно насчитывают более тридцати рассказанных Иисусом притч. Некоторые из них использовал в своих произведениях и Ф.М.Достоевский.

Размышляя о слове Божьем, о слове вообще, Достоевский использует притчу о сеятеле: «...вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имея корня, засохло; иное упало в терние и загнушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать».⁴ Впервые писатель обращается к ней в рассказе «Господин Прохарчин». Жильцы Устиньи Федоровны, окончательно запугавшие несчастного Семена Ивановича Прохарчина, «наконец увидели ясно, что посев был хорош, что все, что ни вздумалось сеять, сторицею взошло, что почва была благодатная...».⁵

В «Идиоте» Ипполит говорит: «Бросая ваше семя, бросая вашу «милостыню», ваше доброе дело... все брошенные вами семена, может быть, уже забытые вами, воплотятся и вырастут».⁶

Образы сеятеля и семени появляются и в «Бесах». Шатов в разговоре со Ставрогиным замечает: «Я не поверил вам тогда, потому что не хотел верить, и уцепился в последний раз за этот помойный клоак... Но семя осталось и возросло...».⁷ Ставрогин представляется Шатову персонажем евангельской истории, семя же – это известная концепция народа-богоносца, упавшая в добрую землю (в душу Шатова) и принесшая плод.

В «Подростке» эту притчу интерпретирует Макар Иванович Долгорукий: «Возьми песочку да посеяй на камушке; когда желт песочек у тебя на камушке том взойдет, тогда и мечта твоя в мире сбудется...»⁸ – образ блистательный по выразительности. Характеризуя земную мечту, Макар Иванович превращает плодородное семя в бесплодный песок и сеет его на бесплодном камне. И если семя, посеянное на камне, все-таки всходит, хотя и засыхает вскоре, то образа более абсурдного, чем сеянный на камне песок, представить невозможно!

Особенно часто появляется образ семени в «Братьях Карамазовых». Зосима вспоминает о том, как ходил в детстве в церковь с матерью: «Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова Божия осмысленно».⁹ Тот же Зосима в своих поучениях говорит о роли сельских священников: «Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в душу простолюдина, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его, как светлая точка, как великое напоминание».¹⁰ В тех же поучениях семя появляется еще раз: «Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом... Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно пожалуй...».¹¹ Наконец, черт говорит Ивану: «Я в тебя только крохотное семечко веры брошу, а из него вырастет дуб – да еще такой дуб, что ты, сидя на дубе-то, в «отцы пустыньники и в жены непорочны» пожелаешь вступить».¹² Достоевский утверждает, что душа Ивана – добрая земля для слова Божия, что вырастет еще в душе его могучий дуб веры. В одном из своих поучений Зосима прямо обращается к рассматриваемой нами притче: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взошло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабеваешь или уничтожаешься в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе».¹³ Это объяснение притчи Иисуса, как ее понимают Зосима и Достоевский: «...взошло все, что могло взойти...» То есть взошло лишь посеянное на доброй земле. Сравним: «если

ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе» – и «...скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло». Сравним также с объяснением притчи самим Иисусом: «...ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумевшему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот что означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тот час с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазнится. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушают слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен».¹⁴

Утверждая необходимость труда в искусстве, Достоевский обращается к притче о талантах: «Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по силе его; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю...».¹⁵ Ее писатель использовал уже в первом своем опыте романа – «Неточке Незвановой». Скрипач Б., друг талантливого, но безвольного Ефимова, говорит: «Я тоже страстно любил свое искусство, хотя знал при самом начале моего пути, что большего мне не дано, что я буду, в собственном смысле, чернорабочий в искусстве; но зато я горжусь тем, что не зарыл, как ленивый раб, того, что мне было дано от природы, а, напротив, возрастил сторицею...».¹⁶ Ефимов оказывается ленивым евангельским рабом, зарывшим свой талант в землю. Более одаренный, чем Б., от природы, он не сумел приумножить данное ему.

Герои Достоевского – ищущие, сомневающиеся, мучающиеся вечными вопросами о Боге. Писатель ведет их от неверия и скверны ко Христу и спасению. Поэтому так естественно его внимание к притче о блудном сыне: «...у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения... По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно... Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился... А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся...».¹⁷

Ее следы появляются в одном из ранних рассказов Достоевского – «Ползунков». «Ну, не плачь, – говорит Федосей Николаич (герою рассказа), – полно: согрешил и покаялся! пойдем! Может быть, скромные пенаты мои...согреют, говорит, опять ваше очерств...не скажу очерствелое, – заблудшее сердце...»,¹⁸ – иронично характеризует Ползунков отношение к нему Федосея Николаича.

Эту же притчу вспоминает писатель в «Записках из мертвого дома», характеризуя отцеубийцу, ставшего впоследствии одним из прототипов Дмитрия Карамазова: «Он был из дворян, служил и был у своего шестидесятилетнего отца чем-то вроде блудного сына».¹⁹

В «Подростке» Аркадий говорит о Версилове: «... сей человек «был мертв и ожил, пропадал и нашелся!».²⁰ Это точная цитата из притчи Иисуса о блудном сыне. В ее финале отец говорит праведному сыну, озлившемуся на отцовскую радость: «сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся».²¹ Подросток сравнивает своего отца с евангельским блудным сыном. С одной стороны, писатель производит «рокировку» в новозаветном сюжете, словно создавая тем самым нечто подобное притче «о блудном отце». Версиров пропадал и был мертв для Аркадия как отец, но он нашелся и ожил, и сын радуется и веселится. С другой стороны, эти слова могут служить определению художником намеченного в романе возвращения Версирова к вере, к Богу-Отцу.

В «Братьях Карамазовых» в рассказе Ивана Алеше появляется некий Ришар, который, «как блудный сын в Евангелии, желал ужасно поест хоть того месива, которое давали откармливаемым на продажу свиньям, но ему не давали даже и этого...».²² Вот это место в Евангелии: «...он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему».²³ В притче Христа отец радовался и веселился возвращению сына, простив ему прошлые прегрешения. Достоевский же, уподобив Ришара библейскому персонажу, рисует финал земной до фантазмагоричности. Как и блудный сын, Ришар ожил и нашелся, уверовал в Бога; пасторы, судьи и благотворительные дамы, проповедовавшие ему веру, полюбили его и ... казнили за то преступление, которое он совершил, еще будучи «мертвым и пропавшим».

Ту же идею, что и притча о блудном сыне, несет притча о заблудившейся овце, к которой обращается в «Братьях Карамазовых» Зосима: «Только бы покаяние не оскудевало в тебе – и все Бог простит...А об одном кающемся больше радости в небе, чем о десяти праведных, сказано давно...».²⁴ Христос так объяснял ученикам смысл этой притчи: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».²⁵ Притчи о заблу-

дившейся овце и блудном сыне звучат в произведениях русского писателя призывом к покаянию и милосердию.

Притча о богатом и Лазаре. К ней прибегает Зосима в своем рассуждении «о аде и адском огне». «Таковой, уже отшедший с земли, видит и лоно Авраамово и беседует с Авраамом, как в притче о богатом и Лазаре нам указано, и рай созерцает, и ко Господу восходить может, но именно тем-то и мучается, что ко Господу взойдет он, не любивший... и говорит себе уже сам: «Ныне уже знание имею и хоть возжаждал любить, но уже подвига не будет в любви моей, не будет и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придет Авраам хоть каплею воды живой (то есть вновь даром земной жизни, прежней и деятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенею теперь, на земле ее пренебрегши...».²⁶ В этом рассуждении Достоевский интерпретирует евангельскую притчу в символическом ключе, осмысливая пламя, о котором говорит Христос, как пламень жажды любви духовной. По точному замечанию Р.Плетнева, «Достоевский примыкает в манере толкования смысла Священного Писания к духу символического толкования, типичным создателем которого в древности был Ориген».²⁷

Раскольников, Соня Мармеладова, Рогожин, Настасья Филипповна, Ставрогин, Иван и Митя Карамазовы... Грешники, распутницы, убийцы. Излюбленные персонажи сочинений великого русского писателя. Мысль о том, что Господь простит и их, никогда не покидала Достоевского. И веру в это он черпал в том числе и в притче о фарисее и мытаре: «...два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодей, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».²⁸

Молитву мытаря напоминает отношение к Богу главного героя первой повести Достоевского Макара Девушкина: «Господи! прости, дескать, мои согрешения и пошли исполнение желаний. Мимо-ской церкви прошел, перекрестился, во всех грехах покаялся да вспомнил, что недостойно мне с Господом Богом уговариваться»²⁹ и «Я со слезами на глазах вчера каялся перед Господом Богом, чтобы простил мне Господь все грехи мои в это грустное время: ропот, либеральные мысли, дебош и азарт».³⁰ Кроткий, смиренный и забытый чиновник, полный сознания собственной греховности, не смеет просить об исполнении нехитрых своих желаний.

К этой притче восходит и описание художником в «Записках из мертвого дома» посещения церкви каторжанами: «В церкви мы становились тесной кучей у самых дверей, на самом последнем месте, так что слышно было только разве голосистого дьякона...».³¹ Достоевский вспоминает свои детские впечатления о молитве простого народа, всегда остававшегося на самых последних местах: «Там, у входа, казалось мне тогда, и молились-то не так, как у нас, молились смиренно, радостно, земно и с каким-то полным сознанием своей приниженности».³² Напротив, бары и барыни «непрерменно проходили на первые места и готовы были поминутно ссориться из-за первого места».³³ Евангельский мытарь отождествляется писателем с простым русским народом, грешным, но сознающим свои грехи и кающимся в них; недаром именно в искреннем сознании греха русским простолюдином видел художник главное его преимущество над вышшим, образованным слоем общества, так склонным подчас к самооправданию различными теориями.

В разговоре Раскольникова с Мармеладовым последний произносит слова, восходящие к рассматриваемой притче: «И скажет: «Свиньи вы! образа звериного... Потому их приемлю, премудрые, потому приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...».³⁴ Ни единый из сих, подобно мытарю евангельскому, не считал себя достойным, и за это достойным стал. Каким-то образом соотносимы с молитвой мытаря и слова Сони Мармеладовой: «Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница!».³⁵

В «Идиоте» Мышкин повторяет мысль одной «молодки»: «...бывает и у Бога радость всякий раз, когда Он с неба увидит, что грешник пред Ним от всего своего сердца на молитву становится».³⁶ Этот грешник и есть евангельский мытарь из притчи Христа. К ней восходит и молитва Мити в «Братьях Карамазовых»: «Господи, прими меня во всем моем беззаконии, но не суди меня... Не суди, потому что я сам осудил себя; не суди, потому что люблю Тебя, Господи! Мерзок сам, а люблю Тебя».³⁷

Писатель соотносит с героем притчи Христа таких своих персонажей, как Макар Девушкин и Мармеладов, Соня и Дмитрий Карамазов. Отношение Достоевского к ним сродни отношению Бога к кающемуся мытарю: «всякий, возвышающий себя сам, унижен будет, а унижающий возвысится».³⁸

Христианская культура, с раннего детства воспринятая Достоевским, не могла не повлиять на его художественное творчество. Но дело не только и даже не столько в этом. Всегда, исключая краткий период сомнений и колебаний в середине сороковых годов девятнадцатого столетия, христианство, православие оставалось для писателя живой верой, источником утешения и спасения. «В основе всей идейной жизни, всех исканий и построений Достоевского были его религиозные искания. Достоевский всю жизнь оставался религиозной натурой, всю жизнь «мучился», по его выражению, мыслью о Боге».³⁹ Именно в силу этих причин столь ярко, глубоко, подробно представлено в романах мастера Священное Писание.

И это чрезвычайно важно, ибо Священное Писание может отражаться и в творчестве богоборческом, даже атеистическом (для Достоевского атеизм хуже, страшнее богоборчества), но характер такого отражения будет совершенно иным. Художественный прием уничтожит смысл. Форма уничтожит содержание. Достоевский осваивает и усваивает священные тексты и как художник, и как мыслитель.

Обращение Ф.М.Достоевского к притчам о сеятеле, о талантах, о блудном сыне, о заблудившейся овце, о богатом и Лазаре, о фарисее и мытаре обусловлено его исключительным вниманием к моральному учению Христа, иллюстрацией которого они являются. Достоевский идет «узким путем», указанным некогда Христом. Переноса евангельских героев в современную ему действительность, писатель утверждает непреходящее значение моральных уроков Писания.

Однако Достоевский не только моралист, но и мистик. Л.Шестов, чьи идеи о писателе парадоксальны и спорны в высшей степени, тем не менее справедливо отметил: «Подобно тому, как Соня и Раскольников, распутница и убийца, ищут своих надежд лишь в воскресении Лазаря, так и сам Достоевский видел в Писании не проповедь той или иной морали, а залог новой жизни... он рвется обратно к истине откровения о живом Боге».⁴⁰ Еще справедливее было бы сказать так: «Достоевский видел в Писании не только проповедь той или иной морали, но и залог новой жизни». Отдельные идеи Священного Писания, усвоенные и современной атеистической этикой, бессильны без боговдохновения.

ЛИТЕРАТУРА

¹ См. работы А.Храповицкого, В.Зеньковского, Н.Лосского, Р.Лаута и др.

² См. работы А.Храповицкого, С.Булгакова, Н.Лосского, Р.Плетнева, И.Есаулова, М.Дунаева, В.Захарова и др.

³ Библийская энциклопедия. – Киев, 1991.

⁴ Мф. 13, 3-8.

⁵ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. – М.; Л., 1972-1990. – Т.1. – С. 255.

⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 8. – С. 336.

⁷ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 10. – С. 196.

⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 13. – С. 311.

⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 264.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 266.

¹¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 8. – С. 289-290.

¹² Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 15. – С. 80.

¹³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 290-291.

¹⁴ Мф. 13, 19-23.

¹⁵ Мф. 25, 14-18.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 2. – С. 150.

¹⁷ Лк. 15, 11-32.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 2. – С. 11.

¹⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 4. – С. 15.

²⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 13. – С. 152.

²¹ Лк. 15, 31-32.

²² Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 218.

²³ Лк. 15, 16.

²⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 48.

²⁵ Лк. 15, 7.

²⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 292.

²⁷ Плетнев Р.В. Достоевский и Библия // Путь. – Париж, 1939. – № 58. – С. 53.

²⁸ Лк. 18, 10-14.

²⁹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 1. – С. 77.

³⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 1. – С. 96.

³¹ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 4. – С. 176.

³² Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 4. – С. 176.

³³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 4. – С. 176.

³⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 6. – С. 21.

³⁵ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 6. – С. 246.

³⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 8. – С. 184.

³⁷ Достоевский Ф.М. Указ. соч. – Т. 14. – С. 372.

³⁸ Лк. 18, 14.

³⁹ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Л., 1991. – Т.1. – С. 226.

⁴⁰ Шестов Л.И. О «перерождении убеждений» у Достоевского // Русские эмигранты о Достоевском. – СПб., 1994. – С. 248.